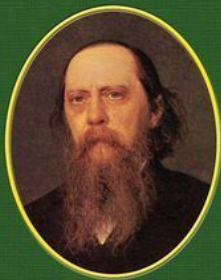

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Некрологические заметки

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132985

Аннотация

Среди множества откликов на смерть Тургенева анонимное выступление Салтыкова принадлежит к числу наиболее замечательных. По глубине и масштабности исторического осмысления Тургенева, его значения для русской жизни, с этим выступлением соседствовало в те дни лишь одно – «тургеньевская прокламация» народовольцев, написанная П. Ф. Якубовичем и распространявшаяся в Петербурге в день похорон писателя.

Содержание

Егор Петрович Ковалевский	4
И. С. Тургенев	7
Примечания	11

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Некрологические заметки

Егор Петрович Ковалевский

Литература наша понесла одну из самых чувствительных потерь в лице Егора Петровича Ковалевского, скончавшегося в ночь с 20-го на 21-е сентября.

Деятельность покойного, как литературная, так и служебная, была слишком разнообразна и поучительна, чтобы можно было исчерпать ее в тесных рамках некролога. Потому, в ожидании полной биографии этого замечательного русского человека, мы коснемся только главных черт его жизни.

Ковалевский родился в 1811 году в Харьковской губернии и воспитывался в Харьковском университете. В 1829 году он поступил на службу по горному ведомству и до 1835 года служил в Сибири, а в этом году перешел на Уральские горные заводы. С 1837 года сфера его деятельности расширяется, и он принимает немаловажное участие в сношениях России с Востоком и славянскими племенами. Это был, без сомнения, самый важный и поучительный период его жизни, о котором он сам оставил свидетельство в своих сочинени-

ях «Четыре месяца у черногорцев» и «Странствователь по суше и морям», вышедших между 1839 и 1843 гг. Достопамятное время осады Севастополя Ковалевский состоял при главнокомандующем князе Горчакове. В начале нынешнего царствования Егор Петрович был назначен директором азиатского департамента, а в 1861 году сенатором.

Из литературных произведений покойного, кроме упомянутых выше, известны: «Путешествие во внутреннюю Африку», «Путешествие в Китай», роман «Петербург днем и ночью», печатавшийся в «Библиотеке для чтения» и недоконченный вследствие цензурных затруднений, не мало повестей и рассказов, под псевдонимами: Нила Безымянного, Е. Горева и др. и «Граф Блудов и его время». Сверх того, известно, что Егор Петрович писал «Историю России в XIX столетии» и отрывок из этого сочинения, под названием «Восточные дела в двадцатых годах», был уже напечатан в одной из книжек «Вестника Европы» за нынешний год.

В последнее время Е. П. Ковалевский был почти постоянно избираем председателем общества Литературного фонда, и можно сказать без оговорок, что утрата, которую это общество понесло в его лице, едва ли в скором времени заменима. Покойный представлял собою образец тех доброжелательных отношений к литературе и ее деятелям, которые в особенности были драгоценны в наше, не совсем благоприятное для этого рода профессии, время.

Несомненная даровитость, многостороннее образование,

меткий практический такт, приобретенный долгим опытом в многообразных сферах деятельности, неистощимая энергия и то серьезное, присущее самой природе гуманное чувство, которое выражается не на словах, а на деле, – вот черты, характеризующие личность Е. П. Ковалевского, за которые *многие* любили его, уважали *все*.

И. С. Тургенев

Двадцать второго августа 1883 года русская литература и русское общество понесли скорбную утрату: не стало Тургенева.

В современной русской беллетристической литературе нет ни одного писателя (за исключением немногих сверстников покойного, одновременно с ним вступивших на литературное поприще), который не имел в Тургеневе учителя и для которого произведения этого писателя не послужили отправною точкою. В современном русском обществе едва ли найдется хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнесся с изумительнейшею чуткостью, которого он не попытался истолковать.

Литературная деятельность Тургенева имела для нашего общества руководящее значение, наравне с деятельностью Некрасова, Белинского и Добролюбова. И как ни замечателен сам по себе художественный талант его, но не в нем заключается тайна той глубокой симпатии и сердечных привязанностей, которые он сумел пробудить к себе во всех мыслящих русских людях, а в том, что воспроизведенные им жизненные образы были полны глубоких поучений.

Тургенев был человек высокоразвитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем созна-

тельным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает. Так что ежели Пушкин имел полное основание сказать о себе, что он пробуждал «добрые чувства», то то же самое и с такою же справедливостью мог сказать о себе и Тургенев. Это были не какие-нибудь условные «добрые чувства», согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие «добрые чувства», в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты.

Тургенев верил в это торжество; он может в этом случае привести в свидетельство все одиннадцать томов своих сочинений. Сочинения эти, неравноценные в художественном отношении, одинаково и всецело (за исключением немногих промахов, на которые своевременно указывала критика) проникнуты тою страстною жаждой добра и света, неудовлетворение которой составляет самое жгучее больное место современного существования. Базаровы, Рудины, Инсаровы – все это действительные носители «добрых чувств», все это подлинныя мученики той темной свиты призраков, которые противопоставляют добрым стремлениям свое бесконтрольное и угрюмое *non possumus*¹.

Здесь не место входить ни в оценку написанного Турге-

¹ нельзя

невым, ни в подробности его личной жизни. Первое – дело критики; второе – будет выполнено его биографами. Тургенев имел в литературном кругу много искренних друзей, которые не замедлят познакомить читающую публику с этой обаятельной личностью. Тем не менее и из личных наблюдений пишущего эти строки, и из того, что было в последнее время опубликовано о Тургеневе, можно заключить, что главными основными чертами его характера были: благосклонность и мягкосердечие.

Конец Тургенева был поистине страдальческий. Помимо неслыханных физических мучений, более года не дававших ему ни отдыха, ни срока, он еще бесконечно терпел и от назойливости гулящих соотечественников. В последние дни жизни раздражение его против праздношатающих доходило до того, что приближенные опасались передавать ему просьбы о свидании, идущие даже от людей, которых он несомненно любил.

Заканчивая здесь нашу коротенькую заметку о горькой утрате, понесенной нами, мы невольно спрашиваем себя: что сделал Тургенев для русского народа, в смысле простонародья? – и не обинуясь отвечаем: несомненно, сделал очень многое и посредственно, и непосредственно. Посредственно – всею совокупностью своей литературной деятельности, которая значительно повысила нравственный и умственный уровень русской интеллигенции; непосредственно – «Записками охотника», которые положили начало целой литерату-

ре, имеющей своим объектом народ и его нужды. Но знает ли русский народ о Тургеневе? знает ли он о Пушкине, о Гоголе? знает ли о тех легионах менее знаменитых тружеников, которых сердца истекают кровью ради него? – вот вопрос, над которым нельзя не задуматься.

Впрочем, это вопрос не исключительно русский, но и всемирный.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Егор Петрович Ковалевский

ОЗ, 1868, № 10, отд. «Совр. обозрение», стр. 273–274 (вып. в свет – 9 октября). Без подписи. Авторство указано В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании письма Салтыкова к Н. А. Некрасову, датируемого концом сентября – началом октября 1868 г. («Печать и революция», 1927, кн 4, стр. 55).

В названном письме Салтыков писал Некрасову: «Посылаю Вам <...> некролог Ковалевского. Я извлек, что мог, из «Вестника Европы», но так как я знал покойного очень мало, то статья моя вышла весьма слаба. Вы, конечно, дадите себе труд исправить ее и дополнить». Внес ли Некрасов в полученный текст какие-либо изменения – неизвестно. Автором использованной Салтыковым, в отношении биографических фактов, некрологической заметки о Е. П. Ковалевском в «Вестнике Европы» (1868, № 10), подписанной инициалами М. С, был М. М. Стасюлевич.

В 1856–1862 гг. Е. П. Ковалевский занимал пост помощника председателя Императорского российского географического общества. Он присутствовал на заседании общества 27 октября 1856 г., когда происходила баллотировка Салтыкова в члены общества («Вестник Императорского российского географического общества», кн. 5, СПб. 1856, Приложение, стр. 4 и 11). По-видимому, при этих обстоятельствах

и произошло знакомство Салтыкова с Е. П. Ковалевским.

В своей заметке Салтыков не мог, по понятным причинам, указать на одну скрытую сторону в деятельности Е. П. Ковалевского, относящуюся к «Современнику», чьим сотрудником он был с конца 1840 г. Пользуясь тем, что в 1858–1861 гг. его брат Евграф Петрович занимал пост министра народного просвещения и, в этом качестве, являлся главою ведомства политического контроля над печатью, Егор Петрович не раз, по просьбам Некрасова, помогал «Современнику» в его борьбе с цензурой.

И. С. Тургенев

ОЗ, 1883, № 9, вкладная страница, с особой нумерацией 1–2 (вып. в свет после 16 сентября). Без подписи. На основании анализа текста авторство установлено Я. Е. Эльсбергом, в сообщении «И. С. Тургенев. Неизвестная статья М. Е. Салтыкова-Щедрина» («Лит. газета», М. 1939, № 5, 26 января, стр. 4). Мемуарные и библиографические свидетельства принадлежности статьи Салтыкову названы С. А. Макашиным в статье «Щедрин и реакция 80-х годов» («Лит. обозрение», М. 1940, № 22, стр. 36–43) и И. Т. Трофимовым в заметке «Новые материалы об авторе некролога «И. С. Тургенев» («Научные доклады высшей школы. Филологические науки», М. 1958, № 2, стр. 153–154). В первом случае в качестве документального источника атрибуции указа-

на статья Виктора Бибикова «Из рассказов о М. Е. Салтыкове» («День», СПб. 1889, № 383, 28 июня, стр. 2–3), во втором – статья Е. П. Кавелиной «И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников» (журн. «Библиограф», год второй, 1886, СПб. 1887, стр. 124, и отд. изд. в том же 1887 г., то есть обе публикации – при жизни Салтыкова).

Обследование в библиотеках Москвы, Ленинграда, а также Иркутска экземпляров сентябрьской за 1883 г. книжки «Отечественных записок» показало, что вкладная страница, с некрологической заметкой о Тургеневе, во многих экземплярах отсутствует. По-видимому, в большую часть тиража заметка не попала, то ли потому, что была написана тогда, когда эта часть была уже отпечатана и сброшюрована, то ли вследствие вмешательства властей, хотя в цензурных документах никаких следов его не найдено.

Известно, что Салтыков обещал – «с величайшей готовностью» – участвовать в посвященном памяти Тургенева вечере Литературного фонда 28 сентября 1883 г. С чем именно намеревался выступить Салтыков – сведений нет. Но вряд ли можно сомневаться, что предполагавшееся выступление должно было заключаться либо в чтении только что написанной заметки, либо в развитии изложенных в ней мыслей. Однако выполнить свое обещание Салтыков не смог. В письме к распорядителю вечера, П. А. Гайдебурову, он сослался на обострение «в последние дни» болезни (письмо появилось в «Неделе» 2 октября 1883 г., № 40, и в тот же день было огла-

шено на Тургеневском вечере). Но накануне, в день похорон Тургенева (27 сентября), Салтыков был здоров и присутствовал на поминальном по писателю обеде группы литераторов (А. Полтавский. Петербургские письма. – «Крымский вестник», Севастополь, 1889, № 101, 13 мая, стр. 2, и № 104, 17 мая, стр. 2). Вполне возможно, что выступлению Салтыкова помешала не болезнь, а «блюстители порядка», отношение которых к чествованию памяти автора «Записок охотника» В. П. Гаевский охарактеризовал в своем дневнике словами: «Мертвый Тургенев продолжает пугать министров и полицию» («Красный архив», 1940, № 3, стр. 231). Известно, что речи, произнесенные на кладбище, должны были пройти через цензуру петербургского градоначальника Грессера. Также известно, что Тургеневский вечер в Москве, на котором должен был выступить Л. Н. Толстой, распоряжением из Петербурга был отменен (*ЛН*, т. 76, М. 1967, стр. 328). Нет сомнений, что подготовка и проведение вечера Литературного фонда в столице также были взяты под контроль органами политической полиции.

Среди множества откликов на смерть Тургенева анонимное выступление Салтыкова принадлежит к числу наиболее замечательных. По глубине и масштабности исторического осмысления Тургенева, его значения для русской жизни, с этим выступлением соседствовало в те дни лишь одно – «тургеневская прокламация» народовольцев, написанная П. Ф. Якубовичем и распространявшаяся в Петербурге в день

похорон писателя (*ЛН*, т. 76, М. 1967, стр. 239). В обстановке, когда в русском обществе уже явственно наметился поворот к эстетизму и развертывалась борьба за отказ от наследства 60-х годов, за эмансипацию литературы и искусства от оппозиционных традиций, Салтыков, от имени демократических «Отечественных записок», и Якубович, от имени «действующих революционеров», выступили с оценкой Тургенева, исходя из ясно и громко заявленного примата общественных интересов. Оба выступления резко противостояли ходовому тезису некрологических статей о Тургеневе в большинстве органов печати: «все достоинство его произведений заключается в чистой художественности» («Моск. ведомости», 1883, № 261). С суровой энергией и прямоотой «шестидесятника» формулирует Салтыков исходную позицию своей оценки Тургенева. «Как ни замечателен сам по себе художественный талант его, но не в нем заключается тайна той глубокой симпатии и сердечных привязанностей, которые он сумел пробудить к себе во всех мыслящих русских людях, а в том, что воспроизведенные им жизненные образы были полны глубоких поучений».

«Главной и неоцененной заслугой» Тургенева, в просветительно-этическом представлении Салтыкова, является приверженность его «общечеловеческим идеалам» гуманизма и «сознательное постоянство», с которым писатель проводил эти идеалы в русскую жизнь. В этом смысле Салтыков считает Тургенева «прямым продолжателем Пушки-

на».

Ставя, далее, имя Тургенева в ряд с именами Некрасова, Белинского, Добролюбова и, несомненно, Чернышевского, а может быть, и Герцена, о которых нельзя было упоминать, Салтыков указывал тем самым на «руководящее значение», которое литературная деятельность Тургенева имела для русского общества в деле воспитания в нем гражданского самосознания и политического протеста, то есть в деле освободительной борьбы.

Наконец, предлагая вопрос «что сделал Тургенев для русского народа, в смысле простонародья» и «не обвиняясь» отвечая: «Несомненно, сделал очень многое и посредственно, и непосредственно», – Салтыков определяет выдающееся значение автора «Записок охотника» с точки зрения высшего критерия эстетики демократического лагеря – критерия народности.

В заметке Салтыкова сжато и сильно резюмирован своего рода итог его сложно-противоречивого восприятия Тургенева – созданных им образов и самой личности писателя. При этом некоторые из прежних критических суждений Салтыкова, продиктованные в свое время требованиями исторического момента, «интересами минуты», в особенности о Базарове, претерпевают глубокое и принципиальное изменение (ср., например, в т. 5 наст. изд., стр. 581–582).

О литературно-общественных и личных взаимоотношениях Салтыкова и Тургенева см. в комментариях к томам

Сочинений и писем наст. изд. (по указателю имен), а также в работах: М. О. Габель «Щедрин и Тургенев» («Наукові зап. Харьковського держ. пед. ін-ту ім. Г. С. Сковороди», т. X, 1947, стр. 48–89) и С. Ф. Баранов «М. Е. Салтыков-Щедрин и И. С. Тургенев» (в кн. того же автора «Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин», Иркутск, 1950, стр. 44–71).